

Средневековая и новая история

Научная статья

УДК 93/94

DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-29-39

EDN: AQXWOS

ДАРЬЯЛЬСКАЯ КРЕПОСТЬ: ПРИЧИНЫ СТРОИТЕЛЬСТВА И РОЛЬ В ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕЗОПАСНОСТИ В ЗАКАВКАЗЬЕ

Заурбек Тимофеевич Кануков

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научного центра Владикавказский научный центр РАН, Владикавказ, Россия, kanukov1991@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6737-6020>

Аннотация. В статье раскрыты и изучены причины строительства дарьяльских крепостных сооружений, а также проанализирована их роль в системе международных политических отношений в Кавказском регионе в разные периоды времени. Дарьяльская крепость, находящаяся в Дарьяльском ущелье Центрального Кавказа, имела большое значение для обеспечения политической, экономической и военной безопасности на Северном Кавказе и Закавказье. Политические силы, осуществлявшие контроль над ней, получали немалое количество преимуществ, необходимых для проведения своей внутренней и внешней политики. Содержание крепости, гарнизона, несущего службу в ней, а также дороги, проходящей через Дарьяльское ущелье, требовало больших денежных затрат. Несмотря на это, строительство защитных сооружений в Дарьяльском ущелье и других областях Центрального Кавказа имело большую целесообразность, так как данные укрепления помогали оборонять богатые и развитые в торговом плане страны Закавказья от набегов кочевых племен с севера. Оборонительная система как связующее звено между Европой и Азией существовала и функционировала на протяжении многих веков, что подтверждает ее важность в обеспечении безопасности и создании положительной динамики развития северокавказского и закавказского регионов.

Ключевые слова: аланы, персы, Дарьяльская крепость, стратегическая безопасность.

Для цитирования: Кануков З.Т. Дарьяльская крепость: причины строительства и роль в обеспечении безопасности в Закавказье // Электронный журнал «Кавказология». – 2023. – № 4. – С. 29-39. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-29-39. EDN: AQXWOS.

© Кануков З.Т., 2023

Original article

DARYAL FORTRESS: REASONS FOR CONSTRUCTION AND ROLE IN ENSURING SECURITY IN THE TRANSCAUCASUS

Zaurbek K. Timofeevich

V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, branch of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Scientific Center

Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz, Russia, kanukov1991@mail.ru / <https://orcid.org/0009-0006-6737-6020>

Abstract. The article explains and investigates the causes for the construction of Daryal fortifications, as well as their function in the system of international political ties in the Caucasus region over time. The Daryal fortress, located in the Daryal Gorge of the Central Caucasus, was of great importance for ensuring political, economic and military security in the North Caucasus and Transcaucasia. The political forces exercising control over it received a considerable number of advantages necessary to carry out their domestic and foreign policies. Maintaining the fortress, the garrison serving in it, as well as the road passing through the Daryal Gorge required large financial expenditures. Despite this, the construction of fortresses in the Daryal Gorge and other locations of the Central Caucasus was extremely useful in defending the rich and commercially developed republics of Transcaucasia against incursions by nomadic tribes from the north. The defense system as a link between Europe and Asia has existed and functioned for many centuries, which confirms its importance in ensuring security and creating positive dynamics in the development of the North Caucasus and Transcaucasian regions.

Keywords: Alans, Persians, Daryal fortress, strategic security.

For citation: Kanukov Z.T. Daryal fortress: reasons for construction and role in ensuring security in the Transcaucasus. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2023. – № 4. – P. 29-39. – DOI: 10.31143/2542-212X-2023-4-29-39. EDN: AQXWOS.

© Kanukov Z.T., 2023

Данная тема представляется актуальной по причине того, что ее изучение позволяет раскрыть и понять суть некоторых политических процессов, происходящих на Кавказе в эпоху средневековья, когда за господство в данном регионе боролись две крупнейшие державы того времени – Византийская империя и Сасанидский Иран. Также она позволяет понять специфику стратегии территориальной безопасности двух вышеупомянутых государств в период их соседства с кочевыми племенами Северного Кавказа и предкавказских степей, набегах которых они регулярно подвергались. Ее изучением занимались такие исследователи как А.А.Туаллагов, А.А. Сланов. Во время написания научной статьи были изучены и проанализированы работы историков описываемого периода, в числе которых Егише, Прокопий Кесарийский, Иосиф Флавий и др.

Борьба за закавказский регион с Римской империей развернулась еще в период господства парфянских династий. Последовавшие за ней столкновения уже с сасанидами, так же как и в предыдущем случае имели, в первую, очередь, экономические причины. Позднеримский период характеризуется существенным расширением торгово-экономических связей Римской империи с Востоком. Торговые маршруты, через которые доставлялись товары с Запада на Восток, (и наоборот) проходили через земли Северной Месопотамии и Армении. Одним из наиболее ценных товаров, пользовавшимся спросом на Западе был шелк. Поэтому, позже, торговые маршруты, через которые осуществлялась его доставка, получили название «шелкового пути».

Армения, Картли и Албания, территориально относящиеся к закавказскому региону, имели стратегическое значение для обеих держав. Расширение своих границ, а также зоны своего влияния вдоль караванных путей позволяли изба-

виться от дополнительных таможенных пошлин, а выход к морским торгово-транспортным узлам, давал дополнительные преимущества при формировании внешнеэкономической политики. Поэтому политические и военные столкновения Ирана с Римом в Закавказье и близ побережья Средиземного моря носили регулярный характер. К таковому едва не привело, например, вторжение в Армению римского императора Трояна в 115 г. Позже, в 163 и 215 гг. вторжения повторились.

Но, несмотря на всю напряженность политической обстановки в Закавказье в описываемый период, Иран и Римская империя имели общие стратегические интересы – оборона своих закавказских владений от набегов кочевых племен с севера. Племена, занимавшие территории северокавказской предгорной равнины и предкавказских степей регулярно проникали в Закавказье с целью разграбления богатого и плодородного региона с хорошо развитой торговлей, животноводством и сельским хозяйством. В связи с этим, в районе Главного Кавказского хребта, а также в сопредельных областях, была выстроена линия оборонительных сооружений, препятствующих северным народам проникать в закавказский регион. Наиболее известными сооружениями данной линии являются Дарьяльская и Дербентская крепости. Кавказские укрепления были подконтрольны Ирану, но по причине обоюдной заинтересованности в сохранении безопасности в спорном регионе, Иран регулярно требовал от Восточно-римской империи взять на себя часть расходов по содержанию оборонительной линии [Пигулевская 1958: 391].

Большое количество авторов эпохи античности и средневековья, как в своих сочинениях по географии, так и в описании хроник военно-политических событий, имеющих место быть на Северном Кавказе и Закавказье, упоминают о неких Аланских воротах, а позже, и о Дарьяльской крепости, закрывавшей проход через них. Так, например, сохранившиеся до наших дней надписи верховного жреца Персии Кирдира на скале Ка'ба-и Зардушт, и рассказывающие нам о внешней политике Сасанидского государства со времен Шапура I (243-273 гг.), содержат упоминания о Вратах аланов. Памятник пехлевийской письменности повествует о походах царя царей в области Анэрана (пехл. 'nyl'n «не Иран»), и перечисляет принадлежащие Шапуру I страны: «Мне принадлежат [страны] Персия (Парс), Парфия, Сузиана (Сузистан), Мидия (Межан), Ассирия (Асуристан), Адиабена (Норшираган), Аравия (Арбаистан), Атропатена (Адербадиган), Армения (Армани), Иверия (Виржан), Сиган (?), Арран, Баласаган вплоть до Кавказских гор (гор Кафи) и Аланских (Алан-ан) ворот и всей гряды Эльбурзских гор...» [Аликберов, Мудрак 2020: 196]. При этом жрецы и зороастрийские храмы тех стран охранялись царским декретом, так как Закавказье в тот период уже было стратегически важным регионом для Ирана, что также выражалось в проведении последовательной религиозной политики.

Закавказье, контроль над которым был вновь установлен при Шапуре I, имело большое значение для развития экономики и торговли Сасанидского государства. В связи с этим, спустя определенный период времени, для того, чтобы закрепить свое могущество в регионе, персами было сооружено большое количество укреплений в данной области. В их число входили Дарьяльская и

Дербентская крепости. Первая находилась, как уже отмечено, в Аланских воротах – естественном проходе, называемом в наше время Дарьяльским ущельем (осет. Дайраны ком, Арвы ком).

Отношения между Персией и Византией существенно улучшились в период правления персидского шахн-шаха Ездигера I (399-421 гг.). Это позволило двум державам наладить сотрудничество в области обеспечения безопасности стратегически важного закавказского региона, который часто подвергался разорениям со стороны северных народов. Более того, именно угроза вторжения племен с севера во владения обеих держав в немалой степени консолидировала обе политические силы в данный период времени. Так, в 350 г. массагеты проникли в Закавказье через Дербентский проход и несколько лет простояли у границ Албании. В период правления Шапура II также было два нашествия с севера (последнее в 374-375 гг.). Позже в 395 г. произошло вторжение гуннов, затронувшее обе державы. Все это вынудило Персию и Рим объединить усилия. По этой причине, согласно сообщениям Иоанна Лидийского, в рамках достигнутого в 413-414 гг. мирного договора, две державы, неся равные расходы, обязались построить крепость, препятствующую проходу народов с севера на их закавказские владения. Многие исследователи полагают, что в данном соглашении речь идет о Дарьяльском укреплении. Что касается финансовых расходов двух держав на поддержание безопасности в спорном регионе, то отказ Восточно-римской империи от выплат в дальнейшем неоднократно становился причиной серьезных политических конфликтов [Мишин 2014: 245-247].

Уже после описанных событий в 449 г. при персидском царе Ездигере II в Армении вспыхивает восстание, позже затронувшее и другие страны региона. Причиной его послужила неграмотная налоговая и религиозная политика персидских властей. Восстание было подавлено, но, тем не менее, оно заметно ослабило позиции персов в Закавказье. Вскоре после этого шахн-шах Перси Ездигер II ушел из жизни. Его смерть повлекла за собой гражданскую войну в Державе Сасанидов между его сыновьями Ормиздом III и Перозом. Воспользовавшись подходящим моментом, царь Албании решил выйти из зависимости от персидских царей. Он засыпал проход через Каспийский проход близ Дербентской крепости и, призвав на помощь горские племена, нанес большой ущерб персидским войскам. Попытка после решить конфликт мирным путем для персов оказалась безрезультатной, и тогда они прибегли к помощи гуннов: «И когда увидели, что ни силой, ни любовью не смогли привести к согласию, - отправили огромные сокровища в страну Хайландуров, открыли Аланские ворота и выставили многочисленное войско из хонов и сражались они год с царем Албании. Хотя и поколебались и рассеялись его войска от войска хонов, но его не смогли покорить. К тому же и тяжелые поражения постигли хонов, частью в боях, частью и от мучительных болезней. И когда настолько затянулась осада, большая часть страны пришла в разорение, но никто из них, усомнившись, от него не откололся» [Егише 1971: 170]. И здесь уже Дарьяльские ворота персы используют как связующее звено между своими владениями в Закавказье и Северным Кавказом. Причем в данном отрывке Габриелян Р.А. предполагает, что в гуннском войске были и аланы, беря во внимание тот факт, что гунны в ар-

мянских источниках выступает как собирательное название для северных народов [Габриелян 1989: 37].

Тем не менее, есть некоторые расхождения во мнениях относительно времени строительства Дарьяльской оборонительной системы. В то время как часть исследователей полагает наиболее вероятным появление Дарьяльской крепости в период правления шахн-шаха Ездигера I в промежутке между 413-414 и 421 гг., опираясь на свидетельства Иоанна Лаврентия Лида (при этом вновь подчеркивается, что строительство проводилось по договоренности с византийской стороной), существует также мнение о появлении дарьяльского укрепления в период правления Хосрова I Ануширвана (531-579 гг.) уже в VI в. Той же версии придерживается и поздняя ирано-арабская историческая традиция [Сланов 2014: 276-277].

Опираясь на византийские письменные источники, можно сделать вывод, что утверждение о том, что Дарьяльская крепость была построена в VI в. является ошибочным. Известный византийский историк Прокопий Кесарийский, бывший секретарем у полководца Велисария, в своей работе «Тайная история», хоть и с некоторыми ошибками, но все же дает нам географическое описание Кавказского региона:

«Киликийский горный хребет Тавр сначала проходит по Каппадокии, Армении и так называемой Персоармении, затем по земле албанцев и ивиров, а также других обитающих здесь племен, либо независимых, либо подвластных персам. Он тянется на огромном пространстве, и если идти все дальше и дальше, этот хребет предстанет широкой и высокой громадой. Кто пройдет через пределы ивиров, встретит среди теснин узкую тропу, простирающуюся на пятьдесят стадий. Эта тропа упирается в круто поднимающееся и совершенно непроходимое место. Дальше не видно никакого прохода, если не считать, как бы сотворенных природой ворот, которые издревле назывались Каспийскими. Далее идут равнины, удобные для езды верхом и орошаемые обильными водами, страна большая, ровная и удобная для разведения лошадей. Здесь поселились почти все гуннские племена, занимая пространство до озера Меотиды. Когда эти гунны нападают на земли персов или римлян, то они едут на свежих лошадях через эти ворота, о которых я сейчас упомянул, не делая никаких объездов и не встречая никаких крутых подъемов, кроме тех пятидесяти стадий, которые, как сказано, ведут в пределы Иверии. Двигаясь, какими-либо другими проходами, они должны преодолевать большие трудности и не в состоянии пользоваться одними и теми же лошадьми; ибо им поневоле приходится делать большие объезды, и при этом по крутизнам. Когда на это обратил внимание Александр, сын Филиппа, он выстроил в названном месте настоящие ворота и воздвиг укрепление» [Прокопий Кесарийский 1993: 30].

Анализируя данный отрывок, становится предельно ясно, что речь в нем идет о Дарьяльском проходе, а не о дороге через Дербент, так как именно первый выходил к границам Иверии на юге. Автор описывает его как единственный удобный путь из Северного Кавказа в Закавказье (не считая Дербента). Также в отрывке говорится об угрозе со стороны гуннов, которые проходя через Дарьяльский проход, грабили подданных персов и римлян. Последнее пред-

ложение сообщает нам о строительстве Александром Македонским ворот и укрепления в данном проходе. Здесь уже, вероятно, речь идет именно об укреплениях в районе Дербента. Последнее, учитывая характер экспансии македонцев, традиционно считается легендой.

Далее Прокопий Кесарийский сообщает нам о гунне Амвазуке, владевшим Дарьяльским укреплением определенный период времени. По достижению старческого возраста Амвазук пытался продать крепость своему другу римскому императору Анастасию, но получил отказ ввиду того, что окрестности Дарьяля находились слишком далеко от римских владений и, по этой причине, не было никакой возможности содержать крепость. После смерти Амвазука персидский царь Кавад изгнал гуннов из Дарьяля и вернул крепость во владение Персии [Прокопий Кесарийский 1993: 30-31]. Обозначенные события имели место быть в начале VI в. н.э., и, как мы выяснили, в V в. Дарьяльское укрепление уже существовало. В свою очередь это ставит под сомнение версию поздней ирано-арабской исторической традиции о строительстве крепости в VI в. в период царствования Хострова I, учитывая, что Кавад I (и после Замасл) предшествовал ему на престоле. Стоит предположить, что Дарьяльское укрепление в конце V – начале VI вв. временно оказалось в руках гуннов вследствие сильнейшего политического кризиса, парализовавшего Персидскую державу и серьезно ослабившего ее позиции в Закавказье еще в период правления Ездигера II.

Важную информацию нам дает арабский историк и географ Аль-Масуди в своем сочинении «Золотые копи и россыпи самоцветов», написанном в X в. н.э. уже после периода арабских завоеваний и потерей Ираном независимости:

«Между царством алан и горой Кабх имеется замок и мост через большую реку (Терек). Этот замок называется «Аланский замок» (кал'ат ал-Лан). Он был построен в давние дни одним из ранних персидских царей по имени Испандийар б. Биштасф. Он поставил в этом замке людей, которые мешали аланам доходить до горы Кабх, а у них нет другой дороги, кроме как через мост под замком. Замок стоит на крепкой скале, и нет способа овладеть им или войти в него иначе, как с согласия тех, кто находится в нем. Это замок, построенный на скале, имеет источник пресной воды, который, сбегая с вершины скалы, выходит в середине замка. Последний известен среди крепостей мира своей недоступностью» [Минорский 1963: 204-205].

Данный отрывок в очередной раз ясно дает нам понять причину строительства Дарьяльской крепости – препятствование аланам «доходить до Кавказа» (очевидно, имеется в виду закавказский регион). В основе проблем, с которыми столкнулись персы и римляне (а позже византийцы), лежат две вещи: набеговой характер экономики кочевых и дофеодальных обществ, с которыми они соседствовали, и частое участие аланов в военно-политических конфликтах в Закавказье в качестве наемных воинов. Последнее также является следствием особенностей экономических отношений северокавказского региона. Набеговое хозяйство заключалось в присваивании прибавочного продукта соседних государств и обществ насильственными методами. Экстенсивный экономический рост всегда являлся особенностью кочевых обществ, ввиду особенностей их производственных отношений. Невозможность развиваться исключительно за

счет собственных внутренних ресурсов побуждала кочевников к набегам на соседние страны и государства с целью грабежа. Для аланских (а также гуннских) племен, кочевавших на территории предкавказских степей, данный способ хозяйствования играл важную (хоть и не первостепенную) роль. Кочевники с севера часто вторгались в Закавказье через Дарьяльский или Дербентский проходы, разоряя богатый и развитый в плане торговли регион.

Тот же автор (аль-Масуди) сообщает:

«Если бы Бог не вдохновил царей Персии построить Дербент и его стены, также, как другие замки на восточном Кавказе, нет сомнения, что цари хазар, аланов, аварцев, тюрков и других народов дошли бы до областей Бардаа, ал-Ран, Байлакан, Адарбайджан, Занджан, Абраг, Казвин и Хамадан, а также до Дайнавара и Нихаванда (находящихся в зависимости от Куфы и Басры соответственно) и вплоть до Ирака» [Алемань 2003: 351].

Что касается непосредственно алан, то их набеги на регионы Востока начались еще в I в. н.э. Так, например, из сообщений Иосифа Флавия нам известно о том, что через легата Сирии Луция Вителлия император Тиберий пытался склонить иберов и албанов к войне против парфянского царя Артабана III. Те, в свою очередь, отказались, но прибегли к помощи алан (скифов), которых они пропустили через Каспийский проход, что привело к срыву планов парфян по приобретению контроля над Арменией [Иосиф Флавий 1900: 305]. О тех же событиях упоминает и Публий Корнелий Тацит, называющий алан сарматами, и указывающий, что некоторые из кочевников встали на сторону римлян, а некоторые поддержали парфян. Первых иберы пропустили каспийской дорогой и далее через свои земли, в то время как вторым албаны преградили путь, шедший между морем и Албанскими горами [Алемань 2003: 56-57]. Из данного сообщения становится ясно, что под Каспийским проходом (дорогой) в обоих источниках подразумевается Дарьяльский проход. Далее, в 75 г., состоялся другой успешный поход аланов в Мидию и Армению [Иосиф Флавий 1991: 239-240]. Последнее вторжение, правда, было совершено в обход Каспийского моря (не через Большой Кавказский хребет) [Туаллагов 2014: 98]. Из «Римской истории» Кассия Диона мы знаем о вторжении аланов в 135 г. в Албанию, Мидию и вплоть до Армении и Каппадокии [Алемань 2003: 130-131].

Также в отрывке арабского автора в качестве строителя Дарьяльской крепости упоминается мифологический Исбандийар б. Биштасф – сын персидского царя Лухраспакей Гуштаспа. Оба упоминаются в поэме «Книга царей» (Шахнаме). Реальные их прототипы – неизвестны, но примечателен тот факт, что согласно сюжету поэмы Исбандийар, как и Шапур I, выступает в качестве распространителя зороастрийской религии за пределами Ирана.

Внешняя политика Ирана в VI в. н.э. носила достаточно агрессивный характер и была ознаменована войнами с Византийской империей на протяжении почти всего столетия. Во многом они являлись воплощением внешнеэкономической политики сасанидского государства, стремившегося установить контроль над важными торгово-транспортными маршрутами и обзавестись выходами к Черному и Средиземному морям. Так, Хосров I Ануширван в 540 г. за-

хватил и сжег Антиохию и осуществил вторжение в Сирию. Позже военные действия перекинулись на территорию Лазики [Иванов 1977: 115]. Воспользовавшись недовольством лазов относительно торговой политики некоторых представителей византийских властей в их стране, Хосров совершил вторжение с целью получения выхода к черноморскому побережью. Примечательно, что во время переговоров с персами, лазы прямо указывали на тот факт, что они долгое время являлись преградой от набегов «горских гуннов» на земли Восточно-римской империи. Аланы так же принимали участие в противостоянии двух держав в Лазике, причем как на стороне лазов, так и на стороне персов. В 549 г. они участвовали в битве с ромеями близ реки Гипсис в составе войска Хориана, потерпев поражение. Военный конфликт, в итоге, закончился относительной победой византийцев [Прокопий Кесарийский 1993].

Конфликт закончился заключением «пятидесятилетнего мира» (позже нарушенного) в Даре между Юстинианом и Хосровом I Ануширваном, информация о котором отражена в трудах офицера императорской гвардии византийцев Менандра. Источником содержит важную для нас информацию:

«и в первом решении было записано, чтобы не позволять персам, гуннам, аланам, или другим варварам переходить через ущелье прохода, называемого Хоруцон, и через каспийские ворота во владения ромеев» [Алемань 2003: 253].

Гмыря Л.Б., приводя свой собственный перевод, указывает, что Хоруцон – это горный перевал, а запрет на проход варваров с севера через него, распространялся в договоре также и на самих персов, чтобы не позволять им вербовать наемников на Северном Кавказе [Гмыря 2018: 128]. При этом стоит предположить, что под Каспийскими воротами ошибочно предполагается именно Дарьяльский проход, а не Дербентский, учитывая тот факт, что настоящие Каспийские ворота находятся достаточно далеко от средневековых владений ромеев (в данном случае их вассалов – лазов), чего нельзя сказать о Дарьяльском проходе, который располагается лишь в нескольких десятках километрах от восточных границ Лазики VI в. Присутствие же в договоре пункта о запрете на проход персам через Хоруцон и «Каспийские ворота» выглядит логичным, учитывая факт участия аланов в данном военном предприятии. Целью данного запрета было препятствование персам формировать наемные контингенты из алан для участия последних в персо-византийских конфликтах.

Упомянутые события не были единственным выходом алан в Закавказье в период правления Хосрова I Ануширвана. Так, арабский автор ал-Табари уже в IX-X вв. сообщает нам о вторжении на территорию Армении северных народов, «состоящего из Абхаз, Банджар, Баланджар и ал-Лан». При этом полагается, что под «Абхаз» подразумеваются хазары, а под «Банджар» – болгары [Алемань 2003: 354].

В любом случае, независимо от того, в чей именно период правления была построена Дарьяльская крепость, будь то при Ездигере I или же несколько позже, причины ее строительства остаются все теми же – а именно оборона стратегически и экономически важного закавказского региона от вторжений с севера.

Крепость неоднократно меняла владельцев в период политических кризисов в самой Персии, но в конечном итоге и скором времени, все равно возвращалась своим изначальным хозяевам, выставившим в ней стражу из жителей близлежащих земель для охраны прохода. Так продолжалось до завоевания Персии арабами в середине VII в. После этого крепость фактически становится пограничной между зависимой от Хазарского каганата Аланией и арабскими владениями в Закавказье. Вследствие процесса освоения горных территорий Центрального Кавказа аланами в хазарский период, крепость оказывается в руках алан [Туаллагов 2018: 291]. И даже после падения Хазарского каганата, данное направление остается чрезвычайно значимым. Так, в 1064 г. аланы продолжают проводить военизированную внешнюю политику, захватывая исламские земли [Минорский 1963]. Уже после Периода татаро-монгольских завоеваний и распада Монгольской империи она фактически оказывается между Золотой Ордой и Хулагидским Ираном.

Остатки крепости неоднократно были исследованы отечественными и западными археологами. Хотелось бы обратить внимание на одну, как нам кажется, важную деталь, описанную исследователями – а именно на тот факт, что в некоторых местах стены основного сооружения укреплены контрфорсами [Сланов 2014: 278]. Контрфорсы (ребра жесткости) являются достаточно «поздней» технологией, поэтому стоит предположить, что данные стены были возведены уже после периода персидского владычества в Закавказье, т.е. в период господства в регионе арабов, либо уже Хулагидов. Строительство укрепленной контрфорсами стены и поддержание в хорошем качестве дороги, находящейся в данном ущелье, а также содержание гарнизона крепости, безусловно, требовало немалых денежных затрат, что говорит о том, что данное направление имело большое значение и после падения династии Сасанидов. В противном случае выделение больших денежных средств на поддержание дарьяльского крепостного комплекса было бы попросту нецелесообразным.

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод, что основной причиной строительства персами Дарьяльской крепости после возвращения контроля над Закавказьем была угроза набегов племен, живущих к северу от Главного Кавказского хребта, в первую очередь, алан и гуннов. Несмотря на то, что «северные народы» в период значимых политических кризисов в Персидской державе, при чьем-либо посредничестве и без него, все же проникали в закавказский регион, она сыграла важную роль в поддержании стабильности и безопасности. Значимость сооружения Дарьяльского укрепления (а также иных оборонительных сооружений) трудно переоценить, беря во внимание, что их постройка, эксплуатация и содержание гарнизонов, несущих службу в ней, требовали большого количества финансовых затрат. Дарьяльская крепость (также, как и Дербентская) выполняла важную роль по обеспечению экономической безопасности Закавказья и защищала северные рубежи Сасанидского Ирана от разорения аланами и гуннами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Алемань 2003 – *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. – М.: Менеджер, 2003. – 608 с.

Аликберов, Мудрак 2020 – *Аликберов А.К., Мудрак О.А.* Арран и сопредельные страны в парфянском тексте трехязычной надписи III в. на скале Ка'ба-йи Зардушт (ŠKZ) // Вопросы ономастики. – 2020. – Т. 17, № 1. – С. 190-202.

Габриелян 1989 – *Габриелян Р.А.* Армяно-аланские отношения (I-X вв.). – Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1989. – 143 с.

Гмыря 2018 – *Гмыря Л.Б.* Данные письменных источников об оборонительных сооружениях на Восточном Кавказе в эпоху Великого переселения народов // ACTA HISTORICA: труды по истории, археологии, этнографии и обществознанию. – 2018. – Вып. 2. – С. 120-131.

Егише 1971 – *Егише.* О Вардане и войне армянской. / Пер. Орбели И.А. – Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1971. – 192 с.

Иванов 1977 – *Иванов М.С.* История Ирана. – М.: Издательство МГУ, 1977. – 488 с.

Иосиф Флавий 1900 – *Иосиф Флавий.* Иудейские древности. Т. 2. / Пер. Г.Г. Генкеля. – СПб.: Типо-Литография А.Е. Ландау, 1900. – 420 с.

Иосиф Флавий 1991 – *Иосиф Флавий.* Иудейская война. Пер. с нем. Чертока Я.О. – Минск: Беларусь, 1991. – 512 с.

Минорский 1963 – *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербента X-XI веков. – М.: Издательство Восточной литературы, 1963. – 266 с.

Мишин 2014 – *Мишин Д.Е.* Хосров I Ануширван (531–579), его эпоха, его жизнеописание и поучение в истории Мискавейха. – М.: ИВ РАН, 2014. – 696 с.

Пигулевская 1958 – *Пигулевская Н.В.* Разложение рабовладельческого строя и образование раннефеодального общества в Иране // Пигулевская Н.В., Якубовский В.Ю., Петрушевский И.П. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. – С. 36–75.

Прокопий Кесарийский 1993 – *Прокопий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. / Пер. Чекаловой А.А. – М.: Наука, 1993. – 576 с.

Сланов 2014 – *Сланов А.А.* Дарьяльская крепость // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции (Москва, 21-25 апреля 2014 г.). – М.: ИА РАН, 2014. – С. 276-279.

Туаллагов 2014 – *Туаллагов А.А.* Аланы Придарьяля и закавказские походы I-II вв. – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНИЦ РАН и РСО-А, 2014. – 230 с.

Туаллагов 2018 – *Туаллагов А.А.* Дарьял – «Ворота Алан» // NARTAMONGÆ: The Journal of Alano-Ossetic Studies. 2018. Вып. 1, 2. – С. 249-308.

REFERENCES

ALEMAN' A. *Alany v drevnih i srednevekovyh pis'mennyh istochnikah* [Alans in ancient and medieval written sources]. – М.: Menedzher, 2003. – 608 p. (In Russ.).

ALIKBEROV A.K., MUDRAK O.A. *Arran i sopredel'nye strany v parfjanskom tekste treh'jazychnoj nadpisi III v. na skale Ka'ba-ji Zardusht (ŠKZ)* [Arran and neighboring countries in the Parthian text of the trilingual inscription of the 3rd century on the rock of Ka'ba-yi Zardusht (ŠKZ)]. In: *Voprosy onomastiki*. – 2020. – Т. 17, № 1. – P. 190-202. (In Russ.).

GABRIELIAN R.A. *Armjano-alanskije otnoshenija (I-X vv.)* [Armenian-Alan relations (I-X centuries)]. – Erevan: Izdatel'stvo AN Armjanskoj SSR, 1989. – 143 p. (In Russ.).

GMJRJA L.B. *Dannye pis'mennyh istochnikov ob oboronitel'nyh sooruzhenijah na Vostochnom Kavkaze v jepohu Velikogo pereselenija narodov* [Data from written sources on defensive structures in the East Caucasus during the era of the Great Migration of Peoples]. In: *ACTA HISTORICA: trudy po istorii, arheologii, jetnografii i obshhestvoznaniju*. – 2018. – Vyp. 2. – P. 120-131. (In Russ.).

EGISHE. *O Vardane i vojne armjanskoj* [About Vardan and the Armenian War]. / Per. Orbeli I.A. – Erevan: Izdatel'stvo AN Armjanskoj SSR, 1971. – 192 p. (In Russ.).

IVANOV M.S. *Istorija Irana* [History of Iran]. – М.: Izdatel'stvo MGU, 1977. – 488 p. (In Russ.).

IOSIF FLAVIJ. *Iudejskie drevnosti* [Jewish antiquities]. Т. 2. / Per. GG. Genkelja. – SPb.: Tipo-Litografija A.E. Landau, 1900. – 420 p. (In Russ.).

IOSUF FLAVIJ. *Iudejskaja vojna* [The Jewish War]. Per. s nem. Chertoka Ja.O. – Minsk: Belarus', 1991. – 512 p. (In Russ.).

MINORSKIJ V.F. *Istorija Shirvana i Derbenta X-XI vekov* [History of Shirvan and Derbent X-XI centuries]. – M.: Izdatel'stvo Vostochnoj literatury, 1963. – 266 p. (In Russ.).

MISHIN D.E. *Hosrov I Anushirvan (531-579), ego jepoha i ego zhizneopisanie i pouchenie v istorii Miskavejha* [Khosrov I Anushirvan (531-579), his era, his biography and teaching in the history of Miskaveikh]. – M.: IV RAN, 2014. – 696 p. (In Russ.).

PIGULEVSKAJA N.V. *Razlozhenie rabovladel'cheskogo stroja i obrazovanie rannefeodal'nogo obshhestva v Irane* [The decomposition of the slave system and the formation of early feudal society in Iran] // Pigulevskaja N.V., Jakubovskij V.Ju., Petrushevskij I.P. *Istorija Irana s drevnejshih vremen do konca XVIII veka* [History of Iran from ancient times to the end of the 18th century] – L.: Izd-vo LGU, 1958. – P. 36–75. (In Russ.).

PROKOPIJ KESARIJSKIJ. *Vojna s persami. Vojna s vandalami. Tajnaja istorija* [War with the Persians. War on the Vandals. Secret history]. / Per. Chekalovoj A.A. – M.: Nauka, 1993. – 576 p. (In Russ.).

SLANOV A.A. *Dar'jal'skaja krepost'* [Daryal Fortress]. In: E.I. Krupnov i razvitie arheologii Severnogo Kavkazaza. XXVIII Krupnovskie chtenija. *Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* (Moskva, 21-25 aprelja 2014 g.). – M.: IA RAN, 2014. – P. 276-279. (In Russ.).

TUALLAGOV A.A. *Alany Pridar'jal'ja i zakavkazskie pohody I-II vv.* [Alans of Pridaryaglia and Transcaucasian campaigns of the I-II centuries.]. – Vladikavkaz: IPC SOIGSI VNC RAN i RSO-A, 2014. – 230 p. (In Russ.).

TUALLAGOV A.A. *Dar'jal – «Vorota Alan»* [Daryal – "Gate Alan"]. In: NARTAMONGÆ: *The Journal of Alano-Ossetic Studies*. – 2018. – Vyp. 1, 2. – P. 249-308. (In Russ.).

Информация об авторах

З.Т. Кануков – младший научный сотрудник.

Information about the authors

Z.T. Kanukov – junior researcher.

Статья поступила в редакцию 12.10.2023 г.; одобрена после рецензирования 15.12.2023 г.; принята к публикации 26.12.2023 г.

The article was submitted 12.10.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.